

СОЛЬ НА ГУБАХ

A movie poster for the film 'Salt on Lips'. It features a man and a woman standing in a snowy night setting. The man, on the left, has wet hair and a concerned expression, wearing a dark coat over a light shirt and dark tie. The woman, on the right, has her eyes closed and wears a thick red scarf and a dark coat. A glowing street lamp is in the background, and snowflakes are falling. The title 'СОЛЬ НА ГУБАХ' is at the top, and the director's name 'АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ' is at the bottom. A '18+' rating is in the bottom right corner.

АЛЕКСАНДР АБРОСИМОВ

18+

Александр Абросимов

Соль на губах

<https://litres.ru/74202974>

SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, любовь не терпит условий. Они решили проверить это, превратив чувства в жестокую игру. Варвара собиралась исчезнуть из серого города навсегда, оставив позади выцветшие обои и старую боль. Но Глеб сделал ставку на её слабость к сильным мужчинам, заперев её в лабиринте дерзких провокаций. А Тимур предложил ставку на потребность в тепле, обещая исцелить ожоги одним прикосновением. Для них это спор, где цена поражения — собственный дом. Для нее — пытка выбором между пожаром и спасительным плодом. Когда последний автобус увозит фальшивые надежды, а первый снег замечает пути к отступлению, им придется признать: настоящая любовь начинается там, где заканчиваются любые правила и соглашения. Кто останется в городе? Тот, кто сможет выжить после встречи с собственной душой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Капля дегтя в идеальном утре	8
Глава 2. Правила чужой игры	15
Глава 3. Высота падения	22
Глава 4. Архив невысказанного	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Абросимов

Соль на губах

Пролог

Варвара наблюдала за ними через толстое, слегка искажающее стекло уличной кофейни. За окном падал первый липкий снег тот самый февральский сорт, который не хрустит под ногами, а превращается в грязную кашу еще до того, как успеваешь загадать желание. Внутри пахло остывшей молочной пеной и корицей, но её рецепторы были забиты другим запахом предчувствием катастрофы.

Они сидели прямо напротив неё, разделенные лишь тонким слоем фаянса её нетронутого капучино. Глеб и Тимур. Огонь и вода. Две абсолютные противоположности, которые должны были аннигилировать друг друга при соприкосновении, вместо этого вели молчаливый диалог над её головой.

Глеб сидел, широко расставив ноги в дорогих кожаных брюках, занимая слишком много места. Его энергия была физически ощутимой, агрессивной, вибрирующей в воздухе, как перетянутая струна. Он смотрел на Варвару так, словно она была сейфом, код от

которого он собирался подобрать кувалдой.

Тимур же занимал пространство иначе. Он буквально исчезал в нем, несмотря на свой высокий рост. Спина прямая, плечи опущены, пальцы бережно обнимают керамическую чашку с чаем. От него веяло сухим теплом старой библиотеки и опасной тишиной реставратора, держащего в руках хрупкую птичью тушку. Он смотрел на неё так, словно она была единственным уцелевшим листом редкого манускрипта, который нужно спасти от огня.

Ни слова не было сказано о споре. Никто не произнес условий. Интрига родилась из простого обмена взглядами поверх картонного ободка её стакана. Глеб едва заметно приподнял бровь вызов, полный наглой уверенности хищника. Тимур ответил едва уловимым наклоном головы согласие библиотекаря принять правила игры, чтобы защитить экспонат.

В этот момент Варвара думала, что контролирует ситуацию. Она мысленно уже паковала чемоданы, продав бабушкину квартиру почти за бесценок просто ради скорости сделки. Билет во Владивосток лежал в кармане пальто тяжелым куском картона, обещая забвение. Она использовала их обоих колючую страсть одного и целительный покой другого как обезболивающее перед ампутацией собственной жизни. Они были декорацией её последнего вечера в городе, кото-

рый она ненавидела.

Но воздух в крошечном помещении начал густеть. Физически. Кислород сгорал в невидимом пламени мужского противостояния. Варвара почувствовала, как кожа на предплечьях покрывается мурашками, соски твердеют под тонкой тканью свитера, а между ног разливается предательское, пульсирующее тепло. Это был первобытный отклик самки на битву двух альфа-самцов. Её тело реагировало раньше мозга, понимая то, до чего разум отказывался доходить: ставки только что выросли.

Она сделала глоток кофе, пытаясь смыть вязкое напряжение. Молоко горчило.

Тимур положил на стол купюру, даже не допив чай. Глеб зеркально повторил его движение, бросив на столешницу несколько мятых тысячных бумажек. Они встали одновременно. Два движения, синхронизированные до миллисекунды.

Проходя мимо её столика, они не коснулись её. Ни один. Но Глеб задел плечом край стола так, что ложка звякнула о блюде резкий, металлический звук вторжения. А Тимур провел кончиками пальцев по деревянной спинке её кресла, оставляя след тепла, который Варвара чувствовала сквозь одежду еще долго после того, как за мужчинами закрылась дверь.

Она осталась одна. Капучино окончательно остыл,

покрытый тающей снежной крупой, которую ветер заносил в открытую форточку. План побега всё ещё казался идеальным. Логичным. Единственным способом выжить.

Но где-то глубоко внутри, там, где зарождается женская интуиция, Варвара уже знала правду. Этот спор никогда не был про деньги или право остаться в сером февральском городе. Пари заключили за её душу. И глядя на свои руки, мелко дрожащие на коленях, она поняла самое страшное: кажется, она очень хотела проиграть.

Глава 1. Капля дегтя в идеальном утре

Утро пахло картоном, пылью и окончательной свободой. Варвара сидела на полу посреди гостиной бабушкиной квартиры, окруженная ровными башнями пустых ящиков из-под бананов. На коленях лежал планшет со списком: «Кухня 12 коробок. Книги перевозчик (не доверять никому). Одежда вакуумные пакеты». Это была не просто логистика переезда. Это был протокол эксгумации собственной жизни. Продажа этих стен с облупившейся лепниной под потолком должна была поставить жирную точку. Билет до Владивостока уже оплачен, невозвратный тариф жег карман халата через экран телефона. Здесь ее больше ничего не держало, кроме фантомных болей.

Идеальный график треснул ровно в десять утра.

Дверь она запереть забыла очередная ошибка человека, который мысленно уже сидит в кресле самолета. Тень упала на порог раньше, чем раздался звук шагов. Глеб заполнил дверной проем целиком, словно трехмерная проекция наглости. Кожаный плащ, расстегнутый вопреки февральской сырости, дорогая щетина, которая никогда не знала лезвия бритвы, и

глаза цвета мокрого асфальта, в которых тонули чужие надежды.

Ты передвинула диван, вместо приветствия констатировал он, обводя взглядом комнату. Нарушила фэншуй моей утренней эрекции. Я привык видеть твои ноги в полете над этим ковром, когда поднимаюсь снизу.

Варвара медленно поднялась. Ноги затекли, по голым коленкам бежали мурашки от сквозняка. Какого черта ты делаешь в моем доме, Глеб? Ключи были переданы риелтору еще вчера. Риелтор скучная женщина с запахом корвалола. Она отказалась обсуждать твою бессонницу. А у меня есть грузовик и пара крепких рук, которые соскучились по тяжелой работе. Он шагнул внутрь, игнорируя выставленную вперед ладонь Варвары. Пространство съежилось. Его запах горький шоколад, табак и что-то первобытно-животное въелся в обои, которые помнили еще дыхание бабушки. Где тут у тебя сервиз? Тот самый, костяной фарфор, о который ты чуть не перерезала мне горло месяц назад?

Их словесная дуэль началась с порога, как спарринг опытных фехтовальщиков. Каждое слово было рассчитанным выпадом. Я не нуждаюсь в твоей благотворительности, процедила Варвара, пытаюсь загородить собой проход к серванту. Это не благотвори-

тельность, Варя. Это инвестиция. Кто-то же должен проследить, чтобы грузчики не разбили ящик с твоими скелетами. И я говорю не о посуде.

Он теснил ее обратно в гостиную. Варвара пятилась, пока лопатки не уперлись в холодный дуб серванта. Глеб навис сверху, опираясь руками по обе стороны от ее головы. Дерево глухо стукнуло. Расстояние между их лицами сократилось до опасного минимума сантиметров двадцать теплого, вибрирующего воздуха. Она видела каждую ресницу на его веках, крошечный шрам над губой и то, как тяжело пульсирует жила на его шее.

Уйди с дороги, выдохнула она, но голос предательски дрогнул, рассыпавшись на бархатные ноты. Или что? Его губы изогнулись в хищной усмешке. Вызовешь полицию? Скажешь, что бывший любовник пришел помочь тебе сбежать от самой себя? Они приедут, посмотрят на твой румянец и выпишут штраф нам обоим за нарушение общественного порядка... прямо здесь, на этом паркете.

Интуиция кричала об опасности. Этот человек был стихийным бедствием, торнадо, которое оставляет после себя выжженную землю и поломанные судьбы. Но тело реагировало иначе предательским теплом внизу живота, внезапной слабостью в коленях. Интрига заключалась в том, что она сама не понимала, чего

боится больше: сорвать сделку по продаже квартиры или того, что этот мужчина сейчас поцелует ее, и вся тщательно выстроенная броня равнодушия осыплется ржавой трухой.

Глеб вдруг сменил тактику. Хищник отступил, превращаясь почти в джентльмена. Он театрально поклонился и указал рукой на коридор: после вас, мадам. Только покажите, где скотч. Мои руки жаждут прикоснуться к липким вещам.

В узком коридоре места для маневра не осталось совсем. Когда Варвара потянулась за рулоном упаковочной ленты на верхней полке шкафа, встав на цыпочки, Глеб сделал шаг вплотную. Она чувствовала жар его груди сквозь тонкий хлопок своей футболки. Ее ягодичы оказались прижаты к нему так плотно, что сомнений в его намерениях не осталось ни на секунду. Твердая, требовательная плоть уперлась в ложбинку между ее бедер.

Варвара замерла с протянутой рукой. Воздух кончился. Сердце ударило в ребра так сильно, что заболело плечо. Это касание пугало сильнее предстоящего отъезда, сильнее неизвестности другого города. Потому что там, во Владивостоке, ее ждали только туман и одиночество. А здесь, в пыльном коридоре бабушкиной хрущевки, стоял живой огонь, готовый испепелить ее дотла.

Она резко дернулась вбок, разворачиваясь. Лента выскользнула из пальцев и размоталась белой змеей по старым половицам. Не смей, прошипела она, глядя ему прямо в зрачки. Моя жизнь упакована в коробки. Тебе там нет места.

Глеб медленно опустил взгляд на ее рот. Затем посмотрел ниже, на часто вздымающуюся грудь. Место всегда находится, тихо пророкотал он. Даже в самом тесном гробу. Особенно если крышка прилегает неплотно. Я люблю щели. Через них так удобно вытаскивать тех, кто решил заживо себя похоронить.

Его рука та самая, тяжелая и властная легла ей на талию. Не грубо, а пугающе собственнически. Большой палец начал медленное, мучительное круговое движение прямо над пряжкой воображаемого ремня. Давай составим список заново, предложил он шепотом, от которого плавился бетон. Пункт первый: секс на столе среди газет. Пункт второй: прощальный ужин без одежды. Пункт третий...

Варвара схватила со стола тяжелую латунную пепельницу в форме раковины единственное оружие под рукой и замахнулась. Но удара не последовало. Вместо этого пальцы Глеба сомкнулись на ее запястье стальной хваткой, выворачивая руку вверх. Их тела снова столкнулись. Он перехватил вторую руку, заломив ее за спину. Варвара оказалась в капкане, распя-

тая между его телом и шатким столом.

Это не было насилием. Это было опасным, пьянящим танцем власти. Она извивалась, пытаясь вырваться, но каждое движение лишь сильнее втирало ее в него, заставляя чувствовать каждый шов на его джинсах. Страсть искрила в миллиметрах от соприкосновения.

Отпусти, психопат! выдохнула она в его подбородок. Сначала признай, что боишься не моего грузовика, прохрипел он, наклоняясь ниже. Его губы мазнули по ее уху, обжигая дыханием. Ты боишься, что если я коснусь тебя вот здесь по-настоящему...

Свободной рукой он накрыл ее грудь поверх футболки, большой палец жестко очертил мгновенно затвердевший сосок. Мир сузился до точки этого болезненно-сладкого давления. По позвоночнику пробежал жидкий огонь, низ живота свело судорогой остро-го, постыдного желания. Предательство собственного тела было оглушительным.

...ты останешься, закончил он, отрываясь от ее губ, в которые так и не впился.

Он отпустил ее так же внезапно, как и поймал. Сделал шаг назад, поправляя манжеты. Между ними снова повис воздух, густой и наэлектризованный. Грузовик будет в шесть вечера, бросил Глеб, направляясь к выходу. Не забудь подписать акт приема-передачи

своего одиночества. Мне нужен оригинал.

Хлопнула входная дверь. Варвара осталась стоять в коридоре, дрожа всем телом, прижимая ладони к горящим щекам. Спски коробок валялись на полу. Идеальное утро рухнуло вместе с последней иллюзией контроля. Впервые за полгода план побега показался ей самым идиотским решением в жизни. Деготь упал в чашку ее свободы, отравляя сладкий вкус независимости вязкой, сводящей с ума похотью.

Глава 2. Правила чужой игры

После ухода Глеба квартира гудела, как перетянутая струна. Пыль, поднятая его тяжелыми ботинками, медленно оседала на картонные башни, но запах терпкий, мужской, агрессивный намертво въелся в старое дерево паркета. Варвара попыталась вернуться к спискам, но пальцы предательски дрожали, выводя неразборчивые каракули вместо цифр. Каждая клетка кожи помнила вес его тела и жесткую хватку на запястьях. Желание было липким, унижительным и совершенно несвоевременным. Она яростно смяла лист бумаги. Билет во Владивосток жег карман сильнее любого огня.

Чтобы смыть с себя фантомные прикосновения, нужен был нейтральный воздух. Не ее пыльная спальня и не прокуренная кофейня на углу. Старый квартал манил тишиной.

Антикварная лавка «Переплет» пахла сухой кожей, ветхой бумагой и пчелиным воском. Это была территория Тимура. Место, где время застыло в янтаре еще в прошлом веке. Здесь никто не повышал голоса. Варвара скользнула внутрь, надеясь слиться со стеллажами, стать просто силуэтом за матовым стеклом. Ей нужны были боксы для перевозки хрупкого бабушки-

ного хрусталя, а здесь хранили лучшие деревянные ложементы.

Тимур стоял спиной к ней в дальнем конце зала, под зеленоватым абажуром настольной лампы. Его профиль всегда напоминал ей гравюры из старых романов: четкая линия подбородка, тяжелые веки и абсолютная неподвижность человека, который умеет слушать дыхание вещей. Он не обернулся на звон дверного колокольчика. Вместо этого он поднял руку, указывая на стул напротив: Я уже достал двадцать штук. Дуб, пропитанный льняным маслом. Они выдержат даже падение с пятого этажа. Твой хрусталь умрет от старости, Варя, а не от логистики.

Она вздрогнула. Откуда он знает про коробки? Ах да, она сама жаловалась ему на прошлой неделе, глотая дешевый коньяк в этом же кресле, пока Глеб штурмовал ее дверь. Тимур слушал тогда молча, только желваки ходили на скулах.

Он повернулся. На нем был плотный фартук цвета графита, испачканный клеем и золотистой пылью тиснения. В руках раскрытый фолиант XVIII века. Длинные, нервные пальцы реставратора такие должны принадлежать пианисту или хирургу осторожно касались обреза страниц. Ты сбежала от него опять? спросил он без тени упрека. Его голос лился бархатной патокой, заполняя пустоты в ее черепной короб-

ке, выжигая тревогу. Я никуда не бегаяю. Я пакую вещи, огрызнулась Варвара, хотя прозвучало это жалко. Она сделала шаг к прилавку, но ноги сами понесли ее к креслу у камина. Тепло живого огня лизнуло щеки.

Тимур отложил книгу. Этот звук глухой стук тяжелого переплета о дуб показался ей выстрелом стартового пистолета. Он обошел стойку и остановился прямо перед ней. Слишком близко. Но в отличие от Глеба, чье вторжение было похоже на взлом ломом, присутствие Тимура ощущалось как погружение в теплую воду. Он не занимал пространство он делился им.

Останься до вечера, тихо сказал он. На улице начинается ледяной дождь. Грузовики в такую погоду буксуют, а твои нервы натянуты так, что лопнут от первой капли. У меня нет времени на чайные церемонии, Тимур. Мой поезд... Твой поезд уйдет. А ты останешься стоять на перроне, глядя вслед, потому что боишься признать: уезжать тебе некуда. Там, куда ты бежишь, тебя ждет точно такая же съемная коробка с чужими обоями.

Интрига момента заключалась в его взгляде. Глеб смотрел на нее как на крепость, которую нужно взять штурмом ради спортивного интереса. Тимур смотрел так, будто видел каждую трещинку в ее броне и искренне хотел эти трещины залечить, заполнить их расплавленным золотом, как делал с битой японской

посудой. В его глазах не было азарта хищника. Только глубокая, пугающая нежность.

Варвара почувствовала, как горло сжимается. Впервые за этот сумасшедший год, полный переездов и случайных связей, кто-то предложил ей не секс-аттракцион и не войну амбиций, а покой. Безопасность. Право быть слабой. Она закрыла лицо ладонями, пытаясь сдержать постыдную дрожь.

Его рука легла поверх её пальцев. Никакой спешки. Никакого давления. Просто тепло большой ладони накрыло ее холодные костяшки. Большой палец начал медленное, гипнотическое движение поглаживания тыльной стороны кисти, там, где кожа тоньше всего и просвечивают синие ниточки вен. Позволь мне помочь, прошептал он над макушкой. Не коробками. Собой.

Это простое слово ударило под дых сильнее, чем любые пошлые подкаты Глеба. Страсть Тимура была иного порядка она не обжигала мгновенно, она проникала под кожу микроскопическими иглами анестезии, лишая воли к сопротивлению. Варвара опустила руки. Их взгляды встретились через разделяющий их сантиметр воздуха.

Тимур медленно склонился. Варвара замерла, ожидая удара молнии, взрыва, того первобытного хаоса, который дарил ей Глеб. Но губы Тимура коснулись ее

лба сухо, целомудренно, почти по-братски. Поцелуй задержался чуть дольше положенного, отдавая теплом старой бумаги. Затем его рот скользнул ниже, к виску, прихватив мочку уха. Он не требовал входа, он просил разрешения присутствовать.

Ты пахнешь страхом и старым картоном, выдохнул он ей в кожу. Позволь мне сегодня ночью пахнуть тобой.

Предложение повисло между ними густым медом. Это не было частью спора. Тимур никогда не играл в чужие игры; он жил по своим правилам, высеченным на камнях совести. И сейчас он предлагал ей перемирие. Укрытие. Чувственность граничила с поклонением. Варвара поняла, что если скажет «да», то впервые за полгода уснет без снотворного, провалившись в бездну абсолютного доверия. Если скажет «да», первый этап плана побега будет провален окончательно.

Ее тело ответило раньше разума. Она качнулась вперед, навстречу теплу его грудной клетки. Тимур принял этот вес, его руки уверенно легли на ее спину, притягивая ближе, но оставляя спасительный дюйм дистанции. Он ждал. Давал ей контроль. Эта власть выбора пьянила сильнее самого крепкого вина.

Вместо ответа она нашла его губы своими. Это не был голодный поцелуй-поглощение. Это было осторожное исследование. Проба вкуса. Мед, табак и типо-

графская краска. Язык Тимура встретился с ее языком деликатно, изучая рельеф, запоминая каждый изгиб. Руки Варвары зарылись в его волосы на затылке жесткие от высохшего клея, пахнущие химией и мужчиной. Она прижалась теснее, чувствуя сквозь слои одежды твердую линию его бедра.

Безопасность оказалась самым мощным афродизиаком. Осознание того, что здесь ее не сломают, позволило расслабиться настолько, что колени снова ослабли. Она оседлала его колено бессознательный, древний жест желания, потершись промежностью о грубую шерсть его брюк. Низ живота свело сладкой судорогой. Тимур глухо застонал ей в рот, и этот звук сорвал последние печати. Его руки спустились на ее ягодицы, властно сжали, приподнимая, заставляя тереться о напряженную плоть под тканью.

Мир сузился до круга света от зеленой лампы, скрипа старого кресла и запаха разогретой кожи. Это была интрига самой высокой пробы: тихий мальчик-реставратор оказался способен на всепоглощающую, темную страсть, просто упакованную в шелестящую бумагу уважения.

Когда они наконец оторвались друг от друга, оба тяжело дышали. Щеки Варвары горели. Губы припухли. Мне все равно нужно ехать за коробками, хрипло солгала она, отстраняясь ровно на миллиметр, чтобы

восстановить способность мыслить. Тимур улыбнулся уголком рта, поправляя выбившуюся прядь ее волос. В его движениях сквозила уверенность хозяина положения, который знает цену своему подарку. Коробки подождут в подсобке. Они никуда не денутся. А вот ледяной дождь превратит улицы в каток. Моя мастерская выше линии тумана. Там есть диван, плед и бутылка красного, которое старше твоего комплекса покинутости. Оставайся. Мы будем нарушать правила... очень медленно.

Варвара посмотрела на свои руки, лежащие на его плечах. Десяти минут хватило, чтобы почва ушла из-под ног. Теперь ее тянуло в две противоположные стороны с одинаковой силой. Слева черная дыра имени Глеба, засасывающая адреналином и болью. Справа спокойная гавань Тимура, обещающая исцеление и уют. Две гравитации. Два полюса. И один билет на самолет, который становился с каждой секундой все более бесполезным куском картона.

Она осталась.

Глава 3. Высота падения

Ледяной дождь, которым Тимур пугал ее в лавке, обернулся колючей крупой к вечеру. Варвара вышла из антикварной лавки только за полночь пьяная не от вина, а от чужого тепла, которое до сих пор жгло ключицы сквозь шерстяное пальто. Она шла по скользким булыжникам старого города, пытаясь собрать расплзающиеся мысли в кучу. План побега трещал по швам. Вместо списков коробок перед глазами стояло лицо Тимура: его спокойные руки, запах клея и то, как он смотрел на нее, словно она была единственным хрупким фолиантом во всей вселенной, достойным реставрации.

Она свернула в темный переулок, ведущий к заброшенной пожарной лестнице бывшей ткацкой фабрики кратчайший путь к её дому-ловушке.

Тень отделилась от кирпичной кладки быстрее, чем мозг успел подать сигнал тревоги. Глеб. Он не прятался под козырьком, стоял прямо под секущим ледяным ветром, и вода стекала по его кожаному плащу, собираясь в лужицы у тяжелых ботинок. От него пахло озоном, табаком и чистым безумием. Сбежала к книжному червю? вместо приветствия процедил он, загораживая ей проход. Его голос вибрировал от

едва сдерживаемой ярости. Решила спрятаться между пыльными страницами, пока я разношу твой городишко? Пошел к черту, выдохнула Варвара, пытаюсь обойти его. Ноги все еще плохо слушались после кресла реставратора.

Глеб не дал ей сделать и шага. Одним молниеносным движением он оказался вплотную, схватил за локоть железной хваткой и дернул вверх. Лестница содрогнулась от его веса. Мы идем на крышу, бросил он через плечо. Тебе нужно проветрить голову, там слишком душно от запаха старости. Я упаду! Скользко! Не упадешь. Я держу.

Это был приказ. Инстинкт кричал об опасности, но тело, предательское и глупое, отозвалось вспышкой жара внизу живота. Этот мужчина обращался с ней как с собственностью, и именно это сейчас казалось единственно верным лекарством от приторной нежности Тимура. Подъем занял три пролета. Варвара задыхалась, цепляясь пальцами за ледяные перила. Глеб шел сзади, дыша ей в затылок, и каждый раз, когда ее нога соскальзывала, его ладонь жестко впечатывалась в изгиб поясницы, возвращая равновесие и оставляя фантомный ожог.

Дверь на смотровую площадку поддалась с ржавым скрипом. Ветер ударил в лицо, сорвал капюшон, растрепал волосы, превратив их в мокрые черные плети.

Город лежал внизу россыпью мертвых углей под серым саваном неба. Ни звезд, ни луны только вязкая февральская ночь.

Варвара шагнула к краю парапета, кутаясь в пальто. Адреналин стучал в висках отбойным молотком. Страх высоты смешивался со страхом признаться себе в том, что тихая гавань Тимура кажется ей теперь клеткой. Ну давай, крикнул Глеб сквозь вой ветра. Один шаг. Во Владивостоке тоже бывают высоты. Проверим твою смелость здесь, чтобы знала, чего ждать там. Ты больной ублюдок, прошипела она, поворачиваясь.

Он улыбался. Стоял в трех метрах от нее, расставив ноги для устойчивости, и выглядел настолько живым на фоне мертвого города, что больно было смотреть. Глеб медленно начал сокращать дистанцию. Каждый его шаг отдавался гулом в старых перекрытиях крыши. Они называют тебя «Варя», сказал он вдруг тихо, почти ласково. Голос пробился сквозь шум бури. Твои родители. И этот бледный моль в очках. Как будто ты дешевая карамелька, которую можно обсосать и выбросить.

Варвара замерла. Это была запрещенная территория. Никто не говорил о ее имени. Меня зовут Варвара, огрызнулась она, чувствуя, как маска цинизма сползает лохмотьями вместе с кожей. Нет, Глеб оста-

новился прямо перед ней. Так близко, что она видела каждую серебряную нить дождя, запутавшуюся в его ресницах. Для них ты удобная. Послушная. А для меня ты лезвие. Острое, холодное и чертовски опасное.

Порыв шквалистого ветра налетел внезапно, сбоку, грозя сбросить их обоих с мокрого рубероида. Шпилька, которой она скрепляла пучок волос, не выдержала атаки стихии. Металлический холодок выскользнул из прически, звякнул о парапет и канул в темноту. Волосы тяжелой волной рухнули на плечи и лицо, мгновенно намокая и облепляя щеки.

Маска упала. Вместе с волосами слетела вся показная бравада. Перед ним стояла просто женщина, замерзшая, испуганная высотой и собственной жизнью. Губы дрожали.

Глеб изменился в лице. Хищник исчез. Исчез и насмешливый игрок. Остался кто-то первобытный и уязвимый. Он протянул руку не чтобы схватить или удержать силой, а раскрытой ладонью вверх, предлагая опору. Иди сюда, позвал он так мягко, что у Варвары перехватило дыхание. Впервые за все время их ядовитых игр в его тоне не было яда. Только густая, осязаемая потребность защитить.

Она вложила свою ледяную кисть в его горячую ладонь. Контраст температур обжег нервные окончания. Глеб притянул её к себе, укрывая своим телом от вет-

ра, становясь живой скалой посреди шторма. Их тела столкнулись с такой силой, что воздух выбило из легких. Носок её сапога наступил на тяжелый ботинок Глеба намертво; колени сами подогнулись, находя устойчивость между его ногами.

Его рука легла на её затылок, зарываясь в мокрые пряди, массируя основание черепа большим пальцем. Другая рука легла на поясницу, прижимая так плотно, что она чувствовала рельеф каждой пуговицы на его рубашке животом. Земля уходит из-под ног задолго до спуска вниз, правда? прохрипел он ей куда-то в макушку.

Варвара подняла лицо. Прямо над ними, разрывая тучи, на секунду выглянула ущербная желтая луна. Серебряный свет упал на его скулы, превращая красивое лицо в маску античного демона. Глеб посмотрел на неё сверху вниз. Взгляд потяжелел минимум втрое, зрачки затопили радужку. Он видел её настоящую без шпилек, без сарказма, с мокрыми ресницами.

Его большой палец коснулся её щеки. Сначала осторожно, снимая капельку воды или слезу она сама не поняла. Затем движение стало увереннее. Он очертил линию её челюсти, спустился к губам, раздвигая их, проводя по чувствительной кромке изнутри. Варвара прикрыла глаза, полностью теряя ориентацию в пространстве. Кровь гудела в ушах громче ветра.

Варвара, произнес он. Полным именем. Без сокращений. Но голосом, который обещал грех. Какого черта ты делаешь с нами обоими?

И прежде, чем она успела придумать ответ, способный спасти остатки её разрушенного плана побега, он накрыл её рот своим.

Это не было игрой. Никакой техники, никаких предварительных ласк. Это был акт захвата территории поцелуем-печатью. Жестко, глубоко, влажно. Его язык вторгся внутрь, заявляя права, клеймя рецепторы вкусом ментола и табака. Варвара вцепилась в лацканы его мокрого плаща, отвечая с той же голодной яростью. Она кусала его губы, всасывала язык, выставывая свое отчаяние прямо ему в горло.

Страсть вспыхнула сухим спиртом. Интрига растворилась в физиологии два тела на крыше искали спасения от падения в пропасть друг друга. Одной рукой он сжал её ягодицу, приподнимая. Варвара инстинктивно обвила его торс ногами, скрещивая лодыжки у него за спиной. Холод металла плаща обжигал даже через джинсы, но жар его кожи под тканью плавил всё вокруг. Она почувствовала всю длину его каменной эрекции, прижатой к самому чувствительному месту сквозь слои одежды. Толчок навстречу был бессознательным, животным требованием большего.

Тише, прорычал он в перерыве между вдохами, отрываясь от её рта лишь затем, чтобы проложить горящую дорожку поцелуев вдоль шеи к ямочке между ключицами. Если поскользнемся, собирать твои кости будут лопатой. Пусть, выдохнула она, подставляя шею под его жадный рот. Лучше разбиться о камни, чем сгнить заживо в безопасности.

Земля действительно ушла из-под ног. Физически они стояли на твердом бетоне старой фабрики, удерживаемые гравитацией и крепкими мышцами Глеба. Но эмоционально Варвара летела в бездну. Там, на высоте птичьего полета, прижавшись к самому опасному мужчине этого города, впервые за год чувствуя себя защищенной от всех ветров мира, она окончательно поняла: билет во Владивосток сгорел дотла еще месяц назад. Просто пепел долетел до мусорного ведра сегодня ночью.

Глава 4. Архив невысказанного

Утро встретило Варвару звоном в ушах и вкусом соли на губах памятью о ледяном ветре с крыши фабрики. Мышцы бедер были сладкой, запретной болью после ночи, проведенной верхом на мужчине под открытым небом. Она лежала в своей постели, смотрела на трещину в потолке и понимала: Глеб оставил на ней невидимые клейма. Но вместе с эйфорией падения пришел липкий страх. Если крыша была актом разрушения, то что тогда будет дальше? Пустота?

Телефон разразился тихой трелью ровно в одиннадцать. На экране высветилось имя «Тимур». Просто имя, без стикеров и глупых вопросов. Я заварил улун с османтусом, сказал он вместо приветик, когда она прижала трубку к уху. И нашел ключ от западного крыла Муниципального архива. Там сухо. Приезжай. Тебе нужно место, где не кричат.

Интуиция подсказывала, что это приглашение самая опасная ловушка из всех. Но запах пыли показался сейчас лучшим лекарством от запаха табака Глеба, въевшегося в воротник пальто.

Западное крыло библиотеки напоминало склеп для мертвых слов. Тяжелая дубовая дверь закрылась за ними, отсекая городской шум, сирены и суету. Здесь

властвовала абсолютная тишина, густая, как сироп. Воздух пах старой бумагой, сухой лавандой средством от моли и застывшим временем.

Тимур был здесь совершенно другим существом. Никакого мягкого фартука домашней мастерской. Только твидовый пиджак с замшевыми заплатами на локтях, очки в тонкой металлической оправе и волосы, собранные в небрежный узел на затылке. Он двигался между стеллажами бесшумно, словно сам был частью этого деревянного лабиринта. Сектор частных пожертвований, пояснил он, проводя картой-ключом по считывателю. То, что люди выбрасывают на помойку после смерти стариков. Чужие дневники, счета за электричество восьмидесятого года, письма с фронта. Мусор, который хранит больше правды, чем нынешние соцсети.

Он толкнул тяжелую створку. Комната оказалась небольшой, залитой тусклым светом матовых ламп. В центре стоял массивный дубовый стол, заваленный стопками пожелтевших конвертов. Садись, Тимур указал на глубокое кожаное кресло. Я разберу коробки с периодикой. Не мешай мне работать руками, просто будь рядом.

Это было самое интимное предложение, которое ей делали за всю неделю. Быть рядом, пока другой занят делом. Без необходимости развлекать, соблазнять

или играть роль.

Варвара опустилась в кресло. Натуральная кожа скрипнула, принимая форму тела. Запах дорогой выделки смешался с библиотечной пылью. Тимур включил небольшую керамическую плитку, достал из потертого рюкзака старый советский термос в авоське и две граненые стопки. Горячий пар с запахом луговых трав поплыл над столом.

Она взяла первый конверт. Бумага крошилась под пальцами. Внутри выцветшие чернила. «Милая Лиза, пишу тебе из госпиталя в Пензе...» Варвара отложила чужую боль и придвинула к себе следующую коробку. Это занятие гипнотизировало. Механическая работа успокаивала пульс, который до сих пор сбивался при воспоминании о руках Глеба на ее талии.

Слова начали душить её внезапно. Они копились внутри месяцами, утрамбованные спешкой переездов, и теперь, в этой стерильной тишине, прорвало плотину. Моя мать умерла в съемной квартире, голос прозвучал хрипло, нарушая священный покой архива. Ей было сорок два. У нее тоже были списки. Списки того, что она купит, когда накопит. Свой угол, новую стиральную машину, поездку в санаторий... Она так и умерла, глядя на график платежей за чужой линолеум. Я смотрю в зеркало и вижу, как мои морщины складываются точно так же.

Тимур замер. Его руки, державшие нож для вскрытия писем, остановились на полпути. Он медленно повернулся к ней, снял очки и потер переносицу. Взгляд без стекол оказался беспомощным и абсолютно ясным. Ты бежишь не во Владивосток, тихо произнес он. Ты пытаешься обогнать генетику. Думаешь, если будешь менять города чаще, чем сезонные шины, костлявая тебя потеряет из виду?

Его слова попали точно в нерв. Варвара почувствовала, как горячие слезы жгут веки. Впервые за долгие годы кто-то назвал вещи своими именами, не пытаясь утешить ложью. Она ожидала банального «ты не такая», но Тимур смотрел на нее со спокойствием патологоанатома. Мне страшно, выдохнула она, закрывая лицо ладонями. Я пустая, Тимур. Выгоревшая дотла. Глеб зажигает меня, но я боюсь, что сгорю в его огне до пепла. А с тобой... с тобой мне так спокойно, что хочется плакать. Но разве любовь должна быть такой... правильной? Разве от нее не должно захватывать дух до потери сознания?

Он обошел стол. Варвара сидела, сжавшись в комок в огромном кресле, похожая на маленькую, напуганную птицу. Тимур не стал опускаться перед ней на колени этот жест нарушил бы хрупкую эстетику момента. Он сел прямо на край тяжелого дубового стола, задев бедром стопку книг. Расстегнул верхнюю пу-

говицу своего ворота. Достал из кармана серебряную фляжку, открутил крышку и протянул Варваре. Коньяк. Для дезинфекции ран души. Пей.

Жидкость обожгла горло, прокладывая путь огню. Тимур забрал у нее фляжку, но не убрал руку. Его пальцы переплелись с её пальцами, лежащими на подлокотнике. Сухая, теплая ладонь реставратора накрыла её кисть целиком. Большой палец начал медленное движение он гладил кожу между её указательным и средним пальцем. Ритм метронома. Сердце спасателя.

Захватывает дух только на эшафоте, Варя, его голос стал ниже, вибрируя в самом воздухе комнаты. Любовь должна дышать. Посмотри вокруг. Этот архив переживет нас обоих. Эти письма пережили войны. Страсть Глеба — это красивый пожар. Он дает много света, но оставляет головешки. Я предлагаю тебе фундамент.

Свободной рукой он взял её за подбородок, заставляя поднять голову. Луна, пробившаяся сквозь высокое стрельчатое окно, падала прямо на его лицо. Свет подчеркнул тени под скулами, делая его похожим на средневекового рыцаря. Останься сегодня здесь, прошептал он. Прямо в этом кресле. Среди пыльных фолиантов. Мы будем пить остывший чай, читать чужие прощания и молчать. Я буду держать твою руку, пока ты не перестанешь бояться собственного сердцеби-

ения. Никаких прикосновений ниже пояса. Никаких требований. Только безопасность.

Интрига разрушила воздух. Предложение лечь спать в библиотеке звучало эротичнее любого обещания сорвать одежду. Варвара посмотрела на их сцепленные руки. Чувственность Тимура заключалась в отсутствии секса. В полном, абсолютном уважении к её границам, которые он сам сейчас очерчивал своим теплом. Это было крушение всех её представлений о влечении.

Она качнулась вперед. Кожа кресла протестующе взвизгнула. Варвара положила ладони на его бедра поверх грубого твида, чувствуя жесткие очертания мышц. Она подняла взгляд. Между их лицами оставалось расстояние в один вдох. Докажи, шепнула она. Докажи, что твоя безопасность сильнее его огня.

Тимур медленно наклонился. Его губы коснулись её лба там, где начиналась линия роста волос. Поцелуй был сухим и теплым. Затем скользнул к виску. К мочке уха. Он не углублял поцелуй, лишь дышал ею, позволяя аромату османтуса из чашки смешиваться с запахом её кожи.

Его свободная рука легла на её шею сзади, большой палец зафиксировал позвонки, предотвращая любую попытку отстраниться, но не давя. Это была власть покоя. Варвара закрыла глаза, полностью отдаваясь

этому гипнозу. Тепло начало распространяться от точки контакта внизу живота, но оно не требовало разрядки. Оно заполняло ту самую черную дыру выгоранием, о которой она говорила минуту назад. Каждая клетка напитывалась умиротворением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.